

То, что Лэй Лижэнь отверг великодушное предложение Старейшины Ся, ничуть не удивило Го Нуаня. Прими мальчик эту помощь, он, скорее всего, так и прожил бы весь свой век обычным человеком, навсегда лишенным возможности познать боевые искусства. И тогда не случилось бы всего того, чему суждено было произойти дальше.

Возвращаться в семью Лэй ему было заказано, а принимать благодеяния старейшины Ся он не желал. В поселке Селань для него просто не осталось места. Большинство тех, кого отвергло здешнее общество, рано или поздно опускались на самое дно, примыкая к нищим. Назывались то они побирушками, но подаванием сыт не будешь — выживать им приходилось в основном грабежом и силой.

Способ, конечно, грязный, но для этих бедолаг другого выбора не существовало. Такова была их суровая правда жизни.

На окраине Селани стоял заброшенный Храм Бога Войны. В эпоху своего расцвета святилище было посвящено Богу войны Фэн Сину, чья слава некогда гремела по всему континенту Цзолань. Теперь же, когда его имя померкло, о нем мало кто помнил. Однако полуразрушенное здание стало идеальным приютом для местных бродяг.

В романе «Боевое зло» об этом персонаже упоминалось лишь вскользь. На самом деле Фэн Син предал собственную честь и устроил кровавую резню среди простых смертных, став вечным позором для рода человеческого. Носить высокий титул Бога Войны столь ничтожный подлец явно не заслуживал.

Именно туда и держал путь Лэй Лижэнь. В стенах этого храма ему суждено было встретить человека, который перевернет его жизнь. То был дряхлый старик, лишь перед самой кончиной открывший мальчику свое настоящее имя — Чжан Мяо. Под личиной убогого бродяги скрывался великий мастер, избравший путь отшельничества.

От природы Чжан Мяо обладал поразительным даром к боевым искусствам, но именно этот редкий талант и навлек на него зависть недоброжелателей. Каким бы проницательным он ни был, уберечься от всех козней не удалось. Очернив его имя ложными обвинениями в отцеубийстве, убийстве матери и предательстве учителя, враги лишили его семьи, а родной клан перерубил мастеру все сухожилия и на трое суток пригвоздил к позорному столбу.

Мученик должен был бесславно сгинуть, но его спас близкий друг — величайший Мудрец медицины из страны Сюанью. Чудотворные снадобья этого целителя восстановили разрушенные меридианы. Двадцать лет Чжан Мяо тайно оттачивал свое мастерство, лелея мысль о расплате, а совершив долгожданное возмездие, добровольно лишил себя зрения, покинул родные края и нашел последнее пристанище в Селани в облике незрячего нищего.

Тот самый Мудрец медицины впоследствии исцелит и Лэй Лижэня. Но прежде мальчику предстояло завоевать доверие слепца, чтобы тот вообще захотел взять его в ученики.

Го Нуань не знал ни имени этого прославленного целителя, ни клана, к которому тот

принадлежал. Однако само то, что столь могущественный человек предпочел суете мира глухое затворничество, подсказывало: его судьба тоже была полна трагедий.

Подобное притягивает подобное. Почти все, чьи пути так или иначе пересекались с Лэй Лижэнем, разделяли его горькую долю — судьба ломала их через колено, делая изгоями среди людей.

Даже среди нищих в полуразрушенном храме царила жесткая иерархия. Вся территория была поделена на сферы влияния, и каждый сброд ревностно охранял свой угол.

Разумеется, новоприбывшему подростку здесь никто не был рад. Когда на пороге лишенного дверей святилища возникли мальчик и собака, бродяги мгновенно устали именно на четвероногого спутника.

В полумраке заброшенного зала, едва освещенного бледным лунным светом, Го Нуань содрогнулся. На него уставились десятки голодных, мерцающих во тьме глаз. В этих взглядах не было сострадания — лишь дикий, хищный блеск и неприкрытая жадность оголодавшего зверя.

Пёсик испуганно попятился, пытаясь укрыться за спиной спутника, но щуплая фигура девятилетнего мальчика не могла защитить его от этих взглядов. Из горла щенка вырвался жалобный, тихий скулеж.

Мальчик молча шагнул вперед и опустился на холодный каменный пол прямо у самого входа. Место это пустовало лишь потому, что сквозь пролом в стене непрерывно задувал ледяной ночной ветер, выстуживая кости.

Более теплые и сухие углы давно обжили старожилы, провожавшие незваных гостей враждебным прищуром.

Убедившись, что пришелец не претендует на их территорию и устроился на самом сквозняке, бродяги понемногу успокоились и отвели взгляды. И лишь немногие продолжали плотоядно коситься на упитанного щенка.

Го Нуань прижался боком к худому плечу своего хозяина. Слабое тепло, исходившее от тела мальчика, немного уняло дрожь и принесло относительное спокойствие.

«Каким же я был наивным дураком, — с горечью подумал он. — Решил, что смогу помочь, а сам превратился в обузу. Мало мальчику собственных невзгод, так теперь еще и меня защищать приходится. Просто сыплю соль на его раны...»

Обессиленный калека не мог уберечь даже себя, а бесправный пёс был совершенно бесполезен.

Чтобы хоть как-то отвлечься от гнетущего страха, Го Нуань принялся скрести когтями щербатый камень пола. Монотонный, тихий шорох немного успокаивал взвинченные нервы.

Звук был едва слышен, однако Лэй Лижэнь уловил его. Тревога питомца передалась и ему. Тем не менее внешне мальчик оставался абсолютно безучастным, лишь изредка бросая цепкие взгляды в сторону тех нищих, что продолжали следить за ними из темноты.

Го Нуань украдкой покосился на старика, устроившегося неподалеку от входа. Выглядел тот живописно: всклокоченная, давно не мытая шевелюра свалась в один сплошной колтун, лохмотья неопределенного серого цвета казались коркой от вековой грязи, а к поясу были привязаны какие-то непонятные побрякушки.

Старик спал на удивление крепко и даже безмятежно похрапывал, будто находился в роскошной постели, а не на холодном сквозняке.

Заметив, куда смотрит его питомец, Лэй Лижэнь тоже скользнул взглядом по спящему бродяге. Самый обычный оборванец, ничего примечательного. Мальчик лишь недоуменно нахмурился, не понимая, чем этот неряха так привлек внимание пса.

Это было негласное противостояние. Лэй Лижэнь так и не сомкнул глаз до самого утра, бдительно стережа их нехитрый скарб, а вот Го Нуань, утомленный дневными переживаниями и согретый близостью хозяина, вскоре мирно засопел, забыв про все свои страхи.

Похоже, появление пса никак не нарушило каноничный ход событий. В романе первая ночь главного героя в храме описывалась именно так: обе стороны прощупывали друг друга, не рискуя спать. Пока мальчик бодрствовал, готовый к отпору, нищие не смели приблизиться.

Бродяги всегда встречали чужаков настороженно. И пусть у пришельцев за душой не было ни гроша, в этом жестоком мире даже рваное одеяло считалось сокровищем, ради которого стоило перерезать горло.

Едва первые утренние лучи озарили полуразрушенные своды храма, Лэй Лижэнь бесшумно поднялся на ноги и направился к выходу.

Резкое движение хозяина мгновенно разбудило Го Нуаня. Спросонья моргнув, щенок увидел удаляющуюся спину мальчика и поспешил за ним. «И даже не подумал, паршивец, что меня тут без него на суп пустят!» — мысленно проворчал Го Нуань, семена следом.

Стоило им покинуть убежище, как напряжение среди следивших за ними нищих спало. Вымотанные ночным бдением бродяги наконец смогли расслабиться и провалились в тяжелый сон.

До этого дня Лэй Лижэню никогда не доводилось просить милостыню. Пусть в родном клане

его не потчевали изысканными деликатесами, благодаря негласному покровительству Великого старейшины голода он никогда не знал.

Однако нужда быстро учит выживанию. Мальчик без тени безгливости принялся обыскивать помойки за трактирами и постоянными дворами. Разумеется, там оставались лишь жалкие объедки, уже перерытые другими нищими. Человеку есть там было практически нечего, зато для Го Нуаня нашлось немало аппетитных костей.

Селань была всего лишь глухой провинцией, где никто не заботился о чистоте улиц. В крупном же городе Юлань, расположенном неподалеку, дела обставили иначе: там действовали строгие правила утилизации отходов, а за порядком следили специальные смотрители. По этой причине в мегаполисе почти не встречалось бродяг и бродячих собак.

Но в захолустном поселке Селань у зажиточных хозяев и владельцев харчевен существовал негласный уговор. Все кухонные отходы — кости, увядшую зелень и объедки со столов — они выставляли за порог черного хода. Лишь после того как там кормились местные оборванцы и своры псов, оставшийся мусор увозили на свалку.

Впрочем, рачительные хозяева предпочитали скармливать более-менее приличные остатки домашней птице.

«Ну и гадость...» — кривился Го Нуань, лениво обгладывая очередную кость. Однако Лэй Лижэнь, сидевший рядом, ел молча, даже не морщась, словно перед ним лежали изысканные яства, а не прокисшие остатки чужого обеда.

Го Нуань ловил себя на мысли, что этот мальчишка с рождения обладал завидным стержнем. Невероятное упорство, способность безропотно сносить любые тяготы, отсутствие зависти к чужим успехам — все эти черты выдавали в нем натуру куда более благородную, чем у большинства тех, кто кичился своей добродетелью.

Обойдя несколько задворков, они кое-как утолили первый голод. Наесться досыта такими крохами, конечно, не получалось, но обоим пришлось смириться с мыслью, что отныне это их повседневная реальность.

В лавках и постоянных дворах Селани то и дело требовались рабочие руки. Но, во-первых, Лэй Лижэнь все еще не оправился от тяжелых ран, а во-вторых, его гордость восставала против подобной участи.

Пойти в услужение означало сдаться. Признать, что путь воина для него закрыт навеки, и согласиться на долю бесправного слуги, чья единственная участь — пресмыкаться перед истинными практиками боевых искусств.

А в глубине его истерзанной души все еще теплился упрямый огонек надежды. Он верил, что сможет вернуть себе силу.

Ближе к полудню они пришли к Старейшине Ся. Старик, ничуть не смутившись неопрятным видом своего пациента, ласково кивнул и велел ученику разжечь огонь под котлом. Затем он привычно положил пальцы на запястье мальчика, проверяя пульс.

— Сейчас я проведу еще один сеанс иглоукалывания, — проговорил Старейшина Ся, закончив осмотр. — Отвар будешь пить еще три дня, а затем перейдешь на пилюли. Постарайся избегать резких движений и тяжелой работы. Через месяц окрепнешь настолько, что ничем не будешь отличаться от обычных людей.

Пациент послушно улегся на бамбуковую кушетку, а Го Нуань тихо устроился у его ног, свернувшись клубком.

На сей раз процедура заняла куда меньше времени. Спустя полчаса Лэй Лижэнь молча принял из рук подмастерья пиалу с горьким снадобьем, осушил ее единым вздохом и, не проронив ни слова благодарности, зашагал к выходу.

— Ну и неблагодарный же щенок... — процедил сквозь зубы Ян Шэн, провожая взглядом странную парочку.

Остальные ученики промолчали, сделав вид, что увлечены работой, да и сам Ян Шэн не решился повысить голос в присутствии учителя.

Мальчик и собака бесцельно бродили по улочкам. В этом суровом мире, где каждый выживал как мог, никто не испытывал жалости к попрошайкам. Местные жители считали, что здоровый парень вполне способен заработать себе на кусок хлеба честным трудом в лавке или трактире, а не побираться.

Жизнь здесь не стоила и медного гроша. Каждый дрожал над собственной шкурой — до чужих ли тут бед?

Утомившись, они пристраивались на пыльной обочине в тени какого-нибудь забора. В такие минуты Лэй Лижэнь подолгу сидел неподвижно, уставившись в одну точку невидящим взором. О чем он думал? Этого не мог угадать даже Го Нуань, знавший сюжет книги до мельчайших подробностей.

Печатное слово способно передать лишь верхушку айсберга. Реальность же соткана из бесконечной череды серых, монотонных часов. У книжного Лэй Лижэня было великое множество таких мгновений, оставшихся за рамками повествования, и именно это молчаливое одиночество делало его по-настоящему живым человеком, а не картонным злодеем.

Что творилось в душе у этого ребенка? Но даже если бы Го Нуань знал ответ, помочь он все равно ничем не мог. Ему оставалось лишь теснее прижиматься к худому боку мальчика, тихонько сопя носом.

— Завтра наймусь на работу в трактир, — глухо произнес подросток.

Это прозвучало как признание поражения перед лицом непреодолимых обстоятельств. Он понимал: бесконечно бродяжничать нельзя. Тот, кто хочет сохранить хоть каплю человеческого достоинства, не должен клянчить куски на помойках.

Вскинув голову, пёс негромко тявкнул, словно одобряя это решение. «Вот и умница. Давно пора!»

Вот только планам мальчика не суждено было сбыться. Согласно канону «Боевого зла», именно грядущей ночью хрупкое перемирие в Храме Бога Войны должно было рухнуть. Конфликт с местной шайкой попрошаек перерастет в кровавую стычку, которая и положит начало новому витку сюжета.

Пройдя через это суровое испытание, Лэй Лижэнь заслужит уважение слепого нищего. Чжан Мяо приблизит его к себе, и эта встреча станет первым шагом на пути к чудесному исцелению.

К сожалению, Го Нуань был лишен возможности предупредить хозяина. Наверное, таинственный автор романа, этот Гэань Цзян, забросил его душу в собачье тело именно для того, чтобы уберечь историю от нежелательного вмешательства извне.

А может, создатель этого безумного мира просто хотел, чтобы критик на собственной шкуре почувствовал все тяготы здешней жизни и взял назад свои ядовитые отзывы? Если не думать в таком ключе, то оставалось только задрать морду к небесам и выть от бессильной ярости.

И вдруг Лэй Лижэнь едва заметно, робко улыбнулся — эта улыбка была удивительно чистой и детской, лишенной привычной горечи.

Го Нуань изумленно замер. В тексте романа Лэй Лижэнь никогда не улыбался просто так. Автор награждал его лишь презрительными ухмылками, ядовитым оскалом или холодным, равнодушным прищуром.

В его облике никогда не было места этому кроткому теплу. Лишь сейчас Го Нуань до конца осознал: перед ним сидит всего лишь беззащитный девятилетний ребенок.

Разве рождаются злодеями? Нет, характер куется под ударами судьбы. Презрение отца, зависть сверстников, жестокость клана и равнодушие целого мира — именно этот ядовитый коктейль со временем превратит чистого душой мальчика в безжалостного монстра.

В те далекие времена, когда его мать, Вэнь Ваньчжи, еще была жива, он рос обычным, ласковым сыном. Да, при чужаках ему приходилось напускать на себя важность, но наедине с матерью он оставался самым обыкновенным ребенком. С ее уходом из этого мира угасла и последняя искра его душевного тепла.

«Ну и дела... — мысленно вздохнул Го Нуань. — Вот уж не думал, что автор окажется таким мастером психологической драмы. Могу поспорить, в ненаписанных главах он заставил бы читателей рыдать над тяжелой долей Лэй Лижэня, устроив грандиозное обеление персонажа. Представляю, как вытянулись бы лица у тех, кто требовал его немедленной казни».

Мальчик смирился со своей участью. Го Нуань чувствовал это почти физически.

— Тяв! Гав-гав! — звонко залаял пёсик, пытаясь донести то, что не мог выразить словами.
«Слышишь, дуралей? Не смей опускать руки! Ты обязательно вернешь свою силу. Ты никогда не будешь слугой. Тебе суждено стать величайшим воином этого мира! Но... прошу тебя, не дай ненависти сожрать твое сердце. Отпусти обиды, забудь про месть. Разве так не будет лучше?»

Но Лэй Лижэнь лишь ласково потрепал его по загривку, не издав ни звука. Осознав тщетность своих попыток, Го Нуань уныло опустил голову на лапы. Тысячи читателей «Боевого зла» мечтали оказаться на его месте — поговорить с этим измученным мальчишкой, уберечь от роковых ошибок и уговорить его отказаться от мести ради собственного счастья.

И именно сейчас, видя перед собой эту слабую, робкую детскую улыбку, Го Нуань страстно желал лишь одного — чтобы эти слова дошли до его сердца.

<http://bllate.org/book/20621/2131937>